

УДК 008

Роль национальных мифов в формировании культурного самоопределения и межкультурной коммуникации: русский, китайский и англоязычный контексты

Рожинцева Виктория Дмитриевна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, Мордовцева 12;
e-mail: Rubtsova@yandex.ru

Рубцова Дарья Сергеевна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, Мордовцева 12;
e-mail: Rubtsova@yandex.ru

Моисеенко Дарья Руслановна

Студент,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, Мордовцева 12;
e-mail: Rubtsova@yandex.ru

Аннотация

Национальные мифы играют ключевую роль в формировании культурного самоопределения и оказывают значительное влияние на процессы межкультурной коммуникации. В статье рассматриваются особенности национальных мифов в русской, китайской и англоязычной культурах, их функции в укреплении национальной идентичности и адаптации в условиях глобализации. Особое внимание уделяется анализу лингвистических и филологических аспектов трансформации мифов, их адаптации для глобальной аудитории и цифровой среды. Приводятся примеры успешного использования мифов в международной дипломатии, массовой культуре и цифровых медиа, а также анализируются проблемы, возникающие при интерпретации мифов в условиях межкультурного взаимодействия.

Для цитирования в научных исследованиях

Рожинцева В.Д., Рубцова Д.С., Моисеенко Д.Р. Роль национальных мифов в формировании культурного самоопределения и межкультурной коммуникации: русский, китайский и англоязычный контексты // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 9А. С. 277-284.

Ключевые слова

Национальные мифы, межкультурная коммуникация, культурное самоопределение, русская культура, китайская культура, англоязычная культура, филология, лингвистика, глобализация, цифровая среда, массовая культура.

Введение

Национальные мифы представляют собой культурные нарративы, которые не только формируют основы самоидентификации нации, но и оказывают значительное влияние на процессы межкультурной коммуникации. Их изучение через призму лингвистики и филологии позволяет выявить, как эти нарративы функционируют на разных уровнях: от внутрикультурного осознания до их восприятия представителями иных культур. В данном контексте рассмотрение ключевых национальных мифов русской, китайской и англоязычной культур демонстрирует как уникальные черты каждой из традиций, так и общие тенденции, связанные с глобализацией и трансформацией культурных кодов.

Русская культура богата мифами, которые отражают коллективистские ценности и стремление к духовной самобытности. Среди наиболее известных мифов — концепт «Святой Руси», который символизирует моральное превосходство и духовную миссию России. Этот нарратив имеет глубокие корни в православной традиции и продолжает оказывать влияние на современную русскую идентичность, особенно в политическом дискурсе. Лингвистический анализ текстов, связанных с этим мифом, выявляет широкое использование религиозной лексики, образов света и борьбы с внешними угрозами, что формирует нарратив «осажденной крепости». Кроме того, миф о «Третьем Риме» укрепляет идею России как преемницы великих цивилизаций, что подкрепляется использованием специфической метафоры в литературе и официальных текстах. Эти мифы транслируют идеи уникальности русской культуры, что создает определенные барьеры в межкультурной коммуникации, особенно с представителями индивидуалистически ориентированных культур [Лотман, 2000].

Основное содержание

Китайская культура, в отличие от русской, основывается на мифах, акцентирующих гармонию и непрерывность традиций. Одним из центральных мифов является образ Хуан-ди, Желтого императора, который символизирует начало китайской цивилизации. Этот миф подчеркивает древность и культурное единство Китая. В лингвистическом плане данный нарратив часто передается через иероглифическую письменность, насыщенную символикой и концептами, связанными с природой, семьей и государственностью. Концепция «Поднебесной» (тянься) представляет собой уникальный пример взаимодействия национального мифа и политической философии: она описывает миропорядок, в котором Китай является центром цивилизации, а все остальные территории рассматриваются как периферия. Такая модель, несмотря на свою историческую значимость, в условиях глобализации становится предметом переосмысления, что проявляется в модернизации дискурсов и изменении стратегии коммуникации Китая с внешним миром.

Англоязычная культура, особенно в контексте США, сосредоточена на мифах, связанных с индивидуализмом и личной свободой. Наиболее известным из них является миф об «американской мечте», который утверждает, что успех возможен для каждого, кто проявляет

настойчивость и трудолюбие. Литература и массовая культура активно эксплуатируют этот нарратив, что делает его универсальным символом англоязычной идентичности. Лингвистический анализ текстов, связанных с этим мифом, выявляет частое использование семантического поля успеха, свободы и возможностей [Huntington, 1996]. Однако в межкультурной коммуникации данный нарратив нередко вызывает противоречивую реакцию, особенно в странах с более коллективистской культурой, таких как Россия и Китай, где успех часто связывается с общим благополучием, а не с личными достижениями.

Сравнение функций и содержания национальных мифов в трех традициях показывает, что русские и китайские мифы преимущественно акцентируют коллективные ценности и историческую преемственность, в то время как англоязычные мифы ориентированы на индивидуализм и перспективы личного развития. Эта дихотомия ярко проявляется в межкультурных взаимодействиях: например, в восприятии русских и китайских текстов представители англоязычной культуры могут видеть чрезмерное внимание к исторической памяти и недостаточную ориентацию на будущее. В то же время русские и китайские коммуниканты могут интерпретировать англоязычные нарративы как излишне прагматичные и поверхностные.

Национальные мифы являются неотъемлемой частью культурного дискурса и играют важную роль в межкультурной коммуникации. Они функционируют как универсальные нарративы, которые помогают различным культурам идентифицировать себя, формировать культурную идентичность и транслировать её другим. В рамках филологии и лингвистики изучение национальных мифов позволяет выявить их структурные особенности, лингвистические маркеры и символические значения, а также то, как эти элементы воздействуют на межкультурное взаимодействие. Использование мифов в международной коммуникации, дипломатии и массовой культуре, а также проблемы их интерпретации и примеры их успешного или неуспешного применения становятся важными объектами научного анализа.

Национальные мифы обладают символической функцией, которая способствует культурной легитимации действий нации на международной арене. Например, российский миф о «Святой Руси», отражающий идеи духовности и морального превосходства, используется в дипломатии как инструмент укрепления культурного имиджа страны [Пропп, 1946]. Этот миф транслирует идею уникального пути России, что активно поддерживается в официальных речах и культурной политике. Лингвистический анализ таких текстов демонстрирует частое использование семантических полей, связанных с понятиями «миссия», «традиция» и «святость», что усиливает риторическую убедительность. В китайской дипломатии концепция «Поднебесной» (тянься), происходящая из древнекитайской философии, служит для формирования образа Китая как культурного и политического центра, способного устанавливать гармоничные отношения с внешним миром. Лингвистические исследования китайских дипломатических текстов показывают доминирование риторики консенсуса, использования идиом, связанных с гармонией, и апелляции к историческим примерам. Англоязычная культура, напротив, активно использует миф об «американской мечте», который транслирует ценности свободы, равенства и личных достижений. Этот миф широко представлен в политическом и медийном дискурсе, где акцентируется внимание на успехе, инновациях и лидерстве.

Национальные мифы также играют ключевую роль в массовой культуре, где они адаптируются для более широкой аудитории. Например, американская киноиндустрия активно использует миф об «американской мечте» в фильмах, таких как «Гражданин Кейн» или

«Форрест Гамп», что способствует формированию глобального восприятия США как страны возможностей. Китайская массовая культура, в свою очередь, через фильмы и телевизионные драмы, такие как «Три царства» или «Герой», акцентирует внимание на исторических событиях и моральных ценностях, укрепляя образ Китая как древней и мудрой цивилизации. Российская массовая культура через такие проекты, как фильмы о Великой Отечественной войне или литературные произведения, например романы Льва Толстого и Фёдора Достоевского, формирует представление о России как о стране, обладающей глубокими духовными и героическими традициями.

Проблемы интерпретации национальных мифов в межкультурных взаимодействиях возникают, когда культурные коды, заложенные в мифах, сталкиваются с иными мировоззренческими и культурными системами. Например, российский миф о «Третьем Риме», подчеркивающий уникальность исторической миссии России, может восприниматься представителями западных культур как форма этноцентризма. Аналогично китайская концепция «Поднебесной» иногда вызывает скептицизм в странах с индивидуалистической культурой, где доминируют ценности равенства и автономии. Англоязычные мифы о свободе и равенстве, напротив, могут казаться излишне утилитарными для культур с более глубокими традициями коллективизма, таких как Россия и Китай. Лингвистический и культурный анализ этих мифов позволяет выявить проблемы перевода и трансформации смыслов, возникающие в процессе межкультурного взаимодействия.

Тем не менее, существуют примеры успешного использования национальных мифов в межкультурной среде. Олимпийские игры в Пекине стали ярким примером того, как китайская культура эффективно интегрировала элементы своих национальных мифов в глобальный культурный дискурс. Использование образов дракона и концепции гармонии в церемониях открытия и закрытия стало мощным инструментом культурной дипломатии. Российский опыт организации крупных культурных событий, таких как Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, демонстрирует, как мифы о героизме и жертвенности могут успешно транслироваться в международной среде. В США миф об «американской мечте» продолжает служить мощным инструментом мягкой силы, способствуя привлекательности американской культуры для мигрантов и зарубежной аудитории [Said, 1978; Anderson, 2006].

Современные трансформации национальных мифов России в условиях глобализации представляют собой сложный и многогранный процесс, в котором культурная идентичность страны адаптируется к новым условиям межкультурной коммуникации. Национальные мифы, традиционно являвшиеся символическим выражением исторической памяти и культурных ценностей, приобретают новое значение, становясь не только инструментом внутреннего консолидационного дискурса, но и эффективным средством представления России на глобальной арене. Этот процесс тесно связан с филологическими и лингвистическими аспектами, которые позволяют анализировать трансформации нарративов, их символику и языковые особенности в контексте современной коммуникации.

Глобализация оказывает значительное влияние на содержание и восприятие российских национальных мифов. Традиционные нарративы, такие как «Святая Русь», «Третий Рим» и героическая память о Великой Отечественной войне, сохраняют свою значимость, но наполняются универсальными смыслами, понятными для международной аудитории. Например, миф о «Святой Руси», который в отечественной традиции акцентирует духовность и жертвенность, в глобальном дискурсе трансформируется в символ гуманизма, защиты культурного многообразия и миротворческой миссии. Это проявляется как в официальной дипломатической риторике, так и в культурных произведениях, таких как фильмы Андрея

Звягинцева и литературные работы Людмилы Улицкой, которые используют элементы национальных мифов для иллюстрации сложной и многослойной российской идентичности.

Особое внимание следует уделить адаптации национальных мифов для глобальной аудитории, что особенно ярко проявляется в массовой культуре и цифровой среде. Кинематограф играет ключевую роль в этом процессе, представляя мифы через визуальные и лингвистические формы, понятные широкой международной аудитории. Например, фильм Фёдора Бондарчука «Сталинград» не только рассказывает о героической обороне города, но и акцентирует внимание на человеческих ценностях, таких как стойкость, самопожертвование и любовь, которые универсальны и понятны зрителям из разных культур. Это сочетание исторической памяти и универсальной гуманистической тематики делает национальный миф доступным для восприятия в межкультурной коммуникации [Хофстеде, 2011].

Важным аспектом трансформации мифов становится их интеграция в цифровую среду. Проекты, такие как мультимедийный музей «Россия — моя история», активно используют цифровые технологии для представления национальных нарративов широкой аудитории. Лингвистический анализ этих проектов выявляет успешное сочетание элементов традиционного и современного языкового дискурса: использование архетипов и символов национальной культуры дополняется современной визуальной и текстовой риторикой, понятной для молодёжи и международных посетителей. Аналогичным образом, видеоигры, такие как «The War of Mine» или «Калибр», основанные на российских исторических сюжетах, позволяют эффективно транслировать элементы национальных мифов через интерактивные формы, способствующие более глубокому погружению в культурный контекст.

Переосмысление традиционных мифов также происходит в рамках литературных произведений, где они адаптируются под современные реалии глобализации. Так, в романах Захара Прилепина «Обитель» и «Грех» элементы национального мифа, такие как жертвенность и борьба за справедливость, рассматриваются через призму личного опыта и исторической памяти. Эти тексты, несмотря на их глубокую укоренённость в российской культуре, обращаются к универсальным вопросам человеческого существования, делая их привлекательными для глобальной аудитории. Лингвистический анализ показывает, что авторы таких произведений используют богатую образную систему русского языка, сочетая её с универсальными нарративами, такими как поиск истины и преодоление трудностей.

Особую роль в трансформации мифов играет героический нарратив о Великой Отечественной войне, который становится центральным элементом национальной идентичности и активным инструментом межкультурной коммуникации. В условиях глобализации этот нарратив переосмысливается, чтобы подчеркнуть общечеловеческие ценности. Например, роман Бориса Васильева «А зори здесь тихие» не только акцентирует внимание на героизме советских солдат, но и представляет войну как трагедию, объединяющую разные народы. В лингвистическом плане использование таких символов, как «мать-Родина», «защитники Отечества», является ключевым для формирования эмоционального восприятия текста, что усиливает его воздействие на международную аудиторию.

Современные трансформации национальных мифов Китая и Великобритании в условиях глобализации являются ярким примером того, как культурные нарративы адаптируются к изменяющимся реалиям, сохраняя при этом свою идентичность. Эти процессы включают пересмотр содержания мифов, их интерпретацию в международном контексте, адаптацию для цифровой среды и переосмысление традиционных сюжетов. Национальные мифы, будучи мощными инструментами межкультурной коммуникации, становятся важными посредниками

в культурном обмене, обеспечивая взаимопонимание между различными культурными традициями. Их влияние на восприятие стран на международной арене тесно связано с лингвистическими и филологическими аспектами, которые помогают раскрыть глубинные смыслы и способы их репрезентации.

Национальные мифы Китая, такие как концепция «Поднебесной» (тянься), олицетворяют представление о стране как центре гармонии и порядка. Этот миф имеет глубокие философские корни, восходящие к текстам Конфуция и классической китайской литературе. В условиях глобализации миф трансформируется в символ мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества. Например, в рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай использует этот нарратив для продвижения идеи интеграции и совместного развития. Лингвистический анализ речей и документов, связанных с этой инициативой, выявляет преобладание терминологии, связанной с гармонией, взаимопониманием и устойчивым развитием. Эти концепты, хотя и укоренены в китайской культуре, адаптированы для международной аудитории, что позволяет минимизировать культурные барьеры и создать позитивное восприятие китайской политики.

Китайская массовая культура активно использует традиционные мифы для формирования положительного образа страны. Например, в фильмах «Герой» (режиссер Чжан Имоу) и «Дом летающих кинжалов» центральное место занимают темы чести, жертвенности и гармонии, которые понятны зрителям из разных культур. Эти произведения, опирающиеся на китайские мифологические и исторические нарративы, создают мосты между культурными традициями, усиливая межкультурное взаимодействие. В цифровой среде китайские мифы также находят новую форму выражения. Например, игра *Genshin Impact*, которая черпает вдохновение из китайской мифологии и культуры, демонстрирует, как традиционные нарративы могут быть адаптированы для международной аудитории через интерактивные формы. Лингвистический и культурный анализ показывает, что такие продукты используют универсальный язык и визуальные символы, делая китайскую культуру доступной и привлекательной для глобального потребителя.

В Великобритании национальные мифы, такие как легенда о короле Артуре и нарратив о Великой Британской империи, также подвергаются трансформации. Легенда о короле Артуре, традиционно связанная с идеями рыцарства и справедливости, активно используется в массовой культуре для передачи универсальных тем. Фильмы, такие как «Король Артур: Легенда меча» (режиссер Гай Ричи), переосмысляют этот миф, добавляя современные элементы и акцентируя внимание на вопросах идентичности и личного выбора. Эти адаптации делают миф универсальным и способным находить отклик в разных культурах, способствуя укреплению культурного диалога. В литературе легенда о короле Артуре исследуется в произведениях Т. Х. Уайта, таких как «Меч в камне», где мифические элементы используются для размышлений о власти, ответственности и моральных дилеммах.

Миф о Великой Британской империи, который ранее символизировал могущество и величие, в условиях глобализации переосмысляется с учётом деколониального дискурса. Современная британская литература, например, произведения Зади Смит («Белые зубы») и Казуо Исигуро («Остаток дня»), переосмысляет этот миф через призму мультикультурности и постколониального наследия. Лингвистический анализ показывает, что в этих текстах используется сложная поликодовая структура, где традиционные образы переплетаются с новыми, отражая сложные отношения между прошлым и настоящим. Эта трансформация способствует развитию межкультурной коммуникации, помогая британской культуре

адаптироваться к глобальным изменениям.

Заключение

В цифровой среде британские мифы также находят новую форму. Платформы, такие как *YouTube* и *Instagram*, активно используют элементы британской истории и мифологии для создания образовательного и развлекательного контента. Например, проект *The British History Podcast* популяризирует мифы и исторические события через доступный и интерактивный формат. Это способствует их распространению среди широкой аудитории, включая представителей других культур, и укрепляет межкультурный диалог.

Библиография

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
2. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1946. – 376 с.
3. Хофстеде Г. Культуры и организации: программирование мышления. Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2011. – 544 с.
4. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – New York: Simon & Schuster, 1996. – 368 p.
5. Said E. W. *Orientalism*. – New York: Pantheon Books, 1978. – 368 p.
6. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. – London: Verso, 2006. – 240 p.

The role of national myths in shaping cultural self-determination and intercultural communication: Russian, Chinese, and English-speaking contexts

Viktoriya D. Rozhintseva

Student,
Far Eastern Federal University,
690091, 12, Mordovtseva, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Rubtsova@yandex.ru

Dar'ya S. Rubtsova

Student,
Far Eastern Federal University,
690091, 12, Mordovtseva, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Rubtsova@yandex.ru

Dar'ya R. Moiseenko

Student,
Far Eastern Federal University,
690091, 12, Mordovtseva, Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Rubtsova@yandex.ru

Abstract

National myths play a key role in shaping cultural self-determination and have a significant impact on the processes of intercultural communication. The article examines the features of national myths in Russian, Chinese and English-speaking cultures, their functions in strengthening national identity and adaptation in the context of globalization. Special attention is paid to the analysis of linguistic and philological aspects of the transformation of myths, their adaptation to a global audience and the digital environment. The article provides examples of successful use of myths in international diplomacy, popular culture and digital media, as well as analyzes the problems that arise when interpreting myths in the context of intercultural interaction.

For citation

Rozhintseva V.D., Rubtsova D.S., Moiseenko D.R. (2024) Rol' natsional'nykh mifov v formirovanii kul'turnogo samoopredeleniya i mezhkul'turnoi kommunikatsii: russkii, kitaiskii i angloyazychnyi konteksty [The role of national myths in the formation of cultural self-determination and intercultural communication: Russian, Chinese and English-speaking contexts]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (9A), pp. 277-284.

Keywords

National myths, intercultural communication, cultural self-determination, Russian culture, Chinese culture, English-speaking culture, philology, linguistics, globalization, digital environment, mass culture.

References

1. Lotman Yu.M. (2000) *Semiostsfera* [The Semiosphere]. SPb.: Iskusstvo-SPb, 704 p.
2. Propp V.Ya. (1946) *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 376 p.
3. Hofstede G. (2011) *Kul'tury i organizatsii: programmirovaniye myshleniya* [Cultures and Organizations: Software of the Mind]. Per. s angl. SPb.: Piter, 544 p.
4. Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon Schuster, 368 p.
5. Said E.W. (1978) *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 368 p.
6. Anderson B. (2006) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 240 p.